

РАЗГОВОР О ДОЧЕРИ

ЕКАТЕРИНА Максимовна — это имя хорошо известно всем. Солостка балета Большого театра Союза ССР, народная артистка СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР этого года, она снискала признание не только знатоков балетного искусства, но и самой широкой публики. Продолжая традиции классического танца, Максимовна утверждает своим искусством нравственную чистоту, вечную женственность. Образы, созданные ею, отличаются большой человеческой глубиной. За последние годы мы несколько раз открывали новую Максимову. Ей подвластны и чистая классика, и острая характерность, пластика современного танца и танец-гротеск. В телевизионных фильмах-балетах она прозвучала себя как незаурядная драматическая актриса...

Недавно мы несколько дней провели с Екатериной Максимовой, побывали у нее на репетициях и в классе, где она занимается под руководством А. М. Мессерера. Как-то неожиданно в разговоре прозвучала фраза о матери Екатерины Сергеевны, и, обычно сдержанная в проявлении чувств, она улыбнулась: «Мама — самый строгий критик». Это и навело на мысль встретиться с ее мамой.

Даже по воскресеньям у них дома царит обстановка делового утра. Первой, сложив в сумку несколько пар балетных туфель, уходит дочь. Потом собирается в дорогу зять — он только что вернулся из Ленинграда, а его уже ждут в Новосибирске. Хлопает за ним дверь, и большая серая овчарка грустно ложится на коврик у порога. Дома остается одна мама. Как и все мамы, которые на пенсии, она ведет хозяйство, готовит обеды и отвечает на телефонные звонки. Звонят каждую минуту — ее дети почти всегда кому-то нужны (детьми она называет обоих: Екатерину Максимову и ее мужа Владимира Васильева). Она всем отвечает вежливо и обстоятельно, где они, когда можно заехать дома, куда собираются уезжать. Потом выводит на прогулку собаку и забирает почту (их ящик каждый день полон). Письма приходят и в ад-

рес театра. Их так много, что читать приходится всей семьей.

Маму зовут Татьяна Густавовна. По профессии она журналист. Рано овдовела, осталась с маленькой дочкой на руках, так что мечту о большой прессе пришлось оставить — занялась редакторской работой в издательстве...

Мы сидим в большой уютной комнате, где много книг, и говорим о ее дочери...

— Говорить мне о Кате трудно, да и мое ли это дело?! Я ей во всем сочувствую. Жизнь у нее загружена до предела. Утром — класс, потом небольшой перерыв и репетиции допоздна. Спектакли, концерты, гастроли, встречи со зрителями. В обед она домой иногда не успевает, остается в театре. Каждую свободную минуту занимается туфлями. Вот посмотрите...

В углу лежала груда балетных туфель. Половина из них была готова — пришиты ленточки, распорот задник, прошит носок. Туфли делают в мастерской специально для Максимовой, но в таком виде для танца они не годятся — нуждаются в усовершенствовании. Многие меняются в балете — техника, пластика, костюмы, а туфли по-прежнему каждая балерина дошивает сама. А они, что называется, горят. За день изнашивается несколько пар. В одном спектакле для разных танцев нужны разные туфли.

— Туфли — это главная забота. О них все разговоры. К сожалению, я тут помочь не могу, их надо по ноге подгонять. Разве что ленточки иногда пришиваю, — говорит Татьяна Густавовна, бережно держа в руках пуанты.

— Вы хотели, чтобы ваша дочь стала балериной?

— Нет, это она сама решила. В нашем старом доме жила Екатерина Гельцер, и все девочки, естественно, мечтали стать балеринами. Я не помню, чтобы Катя в детстве любила танцевать, но бесконечные разговоры о балете велись постоянно. После второго класса она захотела поступить в хореографическое училище. Сама узнала, когда приемные экзамены, что и как... Я к этому всерьез не относилась, но мешать не стала. Было подспудное чувство: если

помешаю, потом будет упрекать. К тому же знакомые обращали внимание, как она движется... В училище ее приняли, было это в 1949 году. И учеба, что называется, пошла сразу. Она одна из первых в классе вышла на сцену. Впервые о ней написала пресса, когда она станцевала партию Белочки в опере «Морозко». Это было, когда она училась во втором классе.

— Вы часто ходите на ее спектакли?

— Я хожу на все Катини выступления. Мне это интересно и как матери, и как зрителю. Я всегда любила театр и ее приобщала к театру с ранних лет. Люблю театр за то, что он живой. Спектакль никогда не стоит на месте, он развивается. Не бывает двух похожих спектаклей. Актеры играют всегда по-разному, они растут, меняются, их вкусы, обогащаются опыт. Одна и та же роль в процессе жизни актера получает разное решение. Катя танцует «Жизель» с 1961 года, и сейчас ее Жизель совсем другая. Повзрослевшая. За эти годы многое было видано, пережито, прочитано. Изменилась Катя, другой стала и ее героиня. Наблюдать этот процесс очень интересно. Вот почему я не люблю кино. Высидеть целый спектакль могу, потому что в нем всегда есть надежда на перемену, что-то может произойти. А серийный фильм досмотреть не могу. Там уже ничего не может измениться.

— В таком случае, как вы относитесь к ее фильмам-балетам?

— По-разному. Я очень критически отношусь к любой ее работе. Не знаю, прислушивается она или нет к моему мнению, но слушаю всегда внимательно. Из фильмов ее больше всего нравятся «Галатея».

— Ваша дочь — ученица Галины Улановой. Наверное, в ее жизни это имело немалое значение...

— Когда Катя пришла в театр, Уланова уже завершала свою сценическую жизнь. Она была кумиром, любимой балериной нашего поколения. И Катя ее очень любила. Еще учась в училище, она участвовала в балетах, которые вела Уланова. И в театре Катя танцевала неболь-

шие сольные партии в ее спектаклях. Потом Галина Сергеевна предложила Кате репетировать партию Жизели. Катя безумно боялась первые дни — репетировать с Улановой! Но как-то быстро между ними все наладилось. Вот уже двадцать с лишним лет они работают вместе. Понимают друг друга с полуслова. Это редкий случай. Видимо, есть между ними внутренняя общность, какое-то соответствие. Я считаю, что это большое счастье в Катиней жизни.

Ей всегда везло с учителями. В училище ее наставником была Елизавета Павловна Гердт, тоже знаменитая балерина и редчайший педагог. В балете, как ни в одном другом искусстве, велика роль учителя. Танцевать по книге не научишься, эта наука передается из рук в руки. Очень важно, из чьих рук получать. Гердт была хранительницей традиций чистой классической школы и передавала их своим ученицам — Шедест, Плисецкой, Стручковой, Бовт, Рединой. Человек она была удивительный. В восьмидесят с лишним лет давала класс, всегда подтянутая, причесанная, всегда в форме. Это тоже воспитывало. Когда Катю спрашиваю, что она будет делать потом, она отвечает: преподавать. Это ее долг перед тем, кто щедро отдавал ей все. Для этого она закончила ГИТИС по классу М. Т. Семеновича и получила диплом педагога-балетмейстера.

— Когда сложился их дуэт с Владимиром Васильевым?

— Они поступили в училище в один год и учились в одном классе. Танцевать вместе стали рано. В 1958 году после выпуска их взяли в Большой театр. На его сцене впервые вместе танцевали «Каменный цветок». А в 1961 году поженились. На мой взгляд, они гармоничная пара как в балете, так и в жизни.

— А чем они любят заниматься в свободное время?

— Выезжают на природу, в тихие, укромные места. Много лет мы все вместе проводим отпуск в Щелькове Костромской области. Катя обожает собирать грибы, в лес бежит с корзинкой в любую погоду. Потом возится с ними, чистит, моет, готовит к

засолке. У нас разделение труда — я сушу, а Катя солит. Любит копаться в земле, сажать, пересаживать. Она все понемножку любит делать. Володя — человек увлекающийся, его интересы разнообразны: живопись, спорт, музыка, книги...

— Но ведь Екатерину Сергеевну коснулась и огромная слава, как-то это отразилось на ее характере...

— Очень сдержанно и очень спокойно она относится ко всему, что касается славы. Однажды еще в школьные годы я показала ей газету — посмотрите, что про тебя написали. Она глянула и сморщила нос: «Терпеть не могу, когда преувеличивают!» Так же она относится и к моде, к нарядам. Конечно, время накладывает отпечаток. Катя росла в войну, изливших никаких не было. Переживаний по этому поводу не возникало никогда. Нет культа одежды и сейчас. У Кати и ее ближайших подруг на первом месте были другие интересы — балет, книги, искусство. Но она все умеет: и шить, и вязать. Пальто, конечно, не сошьет, а что попроще — сумеет. Связала мне кофту, Володе свитер...

— Вы рады, что ваша дочь достигла таких успехов?

— Каждая мать, наверное, радуется успехам детей больше, чем они сами. Моя дочь — счастливый человек, в ней никогда не угасает жажда творчества. Она не отказывается ни от каких интересных предложений не потому, что это принесет ей новую славу, а потому что это даст ей возможность сделать новую работу. Если бы вы знали, как это для нее важно! Поэтому она снималась в телефильмах, работала с бельгийским балетмейстером М. Вежаром. И сейчас она танцует не только в театре, но и с труппой ансамбля «Московский классический балет».

Но порой мне ее жалко. Она сильно устает. И ее целыми месяцами не бывает дома...

Беседа вела
Н. КОЛЕСНИКОВА.

НА СНИМКАХ: Е. С. Максимовна; когда бывает трудно; перед спектаклем.

Фото П. Кривонова.